

## КОНСТАНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2007 М. М. Звягинцева

*канд. культурологии, доцент каф. культурологии  
Курский государственный университет*

Каждый локус в своей культурно-исторической жизни генерирует текстуально организованную систему значений – локальный текст. С точки зрения системно-типологического подхода региональная культура рассматривается как целостная знаковая система, отражающая определенный хронотоп, накапливающая культурный заряд и насыщенная собственной духовностью, понять которую возможно лишь «раскодирав» условность региональной культурной символики.

В настоящее время повсеместно наблюдается явление, при котором традиционные образы и сюжеты (культурные константы) реактуализируются, органично входя в последующие историко-культурные пласты. Скрытые до поры архетипические представления способны дать новый импульс развитию культуры в момент деформации и разрушения исчерпавших себя социокультурных механизмов.

Осмысление и истолкование культурных констант локального текста позволяет раскрыть основы регионального самосознания, обнаружить исторически обусловленные первоэлементы современной региональной культуры.

Одной из главных тенденций развития современной социокультурной ситуации является все возрастающий интерес к глубинным основам человеческого бытия. В настоящее время повсеместно наблюдается явление, при котором традиционные образы и сюжеты реактуализируются, органично входя в последующие историко-культурные пласты. Наряду с этим ведется активный поиск социально-культурных детерминант, направляющих настоящее к будущему, точнее, теоретически обуславливаются его различные модификации. На этом фоне особую актуальность приобретает проблема определения исходных положений как российской культуры в целом, так и ее региональных вариантов.

Каждый локус в своей культурно-исторической жизни генерирует текстуально организованную систему значений – локальный текст. С точки зрения системно-типологического подхода региональная культура рассматривается как целостная знаковая система, отражающая определенный хронотоп, накапливающая культурный заряд и насыщенная собственной духовностью, понять которую возможно лишь «раскодирав» условность региональной культурной символики.

Проблематика локального культурного текста в настоящее время звучит особенно актуально. Работы М.И. Пыляева («Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы»), Н.П. Анциферова («Непостижимый город...»), П.Н. Столпянского («Петербург»), Н.А. Синдаловского («Легенды и мифы Санкт-Петербурга»), Ю.М. Лотмана («Символика Петербурга и проблемы семиотики города»), М.С. Кагана («Град Петров в истории русской культуры»), В.Н. Топорова («Петербург и «Петербургский текст» русской литературы») ввели в научный обиход понятие «петербургский текст», понимаемый как особая знаковая система, с помощью которой происходит «пресуществление материальной реальности в духовные ценности» [Доманский 2002: 89]. В той же мере можно говорить и о менее разработанном «московском тексте» русской культуры.

В последнее время появился ряд работ, изучающих с позиций данного подхода «тексты провинциальных городов». Особо следует отметить исследование «пермского текста», предпринятое В.В. Абашевым, которое убедительно представляет авторскую методику изучения регионального культурного текста [Абашеев 2000]. Большой вклад в исследование культуры нашего края вносят ученые курской научной школы лингвокультуроведения под руководством профессора А.Т. Хроленко.

Однако комплексного исследования «курского текста» с методологических позиций культурологической парадигмы пока еще нет. В книге М.С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» намечен один из наиболее перспективных путей изучения петербургского городского метатекста – выстраивание его как эволюции духовно-культурной жизни города на протяжении столетий [Каган 1996]. Каждый историко-культурный слой можно изучать отдельно, постепенно вписывая его в общий контекст. Думается, этот подход чрезвычайно продуктивен и применительно к провинциальному городскому тексту, так как позволяет по-новому посмотреть на привычные реалии.

При таком взгляде составляющими локального текста являются планировка и пространственное решение города, его мифология и история, топонимика и городской фольклор, здания и памятники, стереотипы сознания и поведения его жителей, культурная реальность и предполагаемая перспектива развития и еще многое-многое другое.

По нашему мнению, фундамент региональной культуры, ее цементирующее ядро составляет *комплекс культурных констант*. Именно он в немалой степени определяет своеобразие духовно-нравственных и художественных представлений каждого региона, поскольку культурные константы отражают основные парадигмы существования человека в мире, возможность и принципы осмысления себя в системе бытия.

Константы региональной культуры представляется важным рассматривать именно в комплексе, так как они значимы не столько сами по себе, сколько во взаимодействии и взаимосвязи, актуализированности в данный отрезок исторического развития региона и т.д.

Общий смысл слова «константа» (от лат. *constans, constantis* – ‘постоянный’) – некая постоянная неизменная величина в ряду меняющихся.

Термин «константа» характерен для математической логики, физики, химии. Хотя в последние десятилетия границы его смысла существенно расширились, он чрезвычайно редко используется в гуманитарных науках. Первыми термин «константа» в подобных исследованиях использовали лингвисты (в частности, Э.А. Макаев) и философы (Э. Жильсон).

Наиболее последовательная концепция культурных констант дается в работах Ю.С. Степанова и С.Г. Проскурина «Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия» (М., 1993), «Константы. Словарь русской культуры» (М., 1997). Целью этих исследований является изучение констант культуры в их диахроническом аспекте, которое проводится при помощи текстов разных эпох.

По свидетельству самого автора, «слово *константы* в заголовке означает, что выбраны главным образом те из них, которые устойчивы и постоянны, т.е. являются константами культуры. “Константы” в этом смысле не значит “предвечные” – когда-то их не было, но с тех пор, как они появились, они есть всегда. “Константы” в этом смысле не значит также и “неизменные” – в них есть неизменная и переменная части. Они, следовательно, прослеживаются на некотором отрезке времени...» [Степанов 2004: 6].

Под константами культуры здесь понимаются концепты, существующие постоянно или, по крайней мере, достаточно долгое время. Термин «концепт» является калькой с латинского *conceptus* – ‘понятие’ и чаще употребляется в математической логике, хотя в последнее время стал частью (лингво)культурологической лексики. По мнению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не “творец духовных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». Однако «в отличие от понятий в собственном смысле термина... концепты не только мыслятся,

они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Там же: 43–46].

Ю.С. Степанов выделяет в структуре концепта три компонента, или три основных слоя:

I. Основной, актуальный признак – «активный» слой концепта, наиболее употребительный и понятный всем.

II. Дополнительный, или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими».

III. Внутренняя форма – обычно уже неосознаваемое смысловое первоначало, запечатленное во внешней, словесной форме. Это «буквальный смысл» концепта, его этимология.

Слоистое строение концепта, по Ю. С. Степанову, является результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Вследствие этого концепты существуют по-разному в разных своих слоях, а также по-разному реализуются для людей данной культуры.

Нам представляется чрезвычайно важным положение о различных компонентах в содержании одного концепта, а также способах их реализации и исследования. Сочетание постоянных и изменчивых факторов в структуре концепта является, в свою очередь, доказательством способности концепта к динамике при сохранении постоянных смысловых первооснов.

По нашему мнению, комплекс культурных констант является также основным содержанием культурной памяти. Теория «культурной памяти» была разработана немецким египтологом Яном Ассманом в конце XX века. При этом Я. Ассман проводит принципиальное различие между коммуникативной и культурной памятью. По его мнению, коммуникативная память представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни. Это – «живая память» индивидов (непосредственных участников и очевидцев) и групп о непосредственно пережитом или возникающая в процессе межпоколенного общения в повседневной жизни. Она существует на протяжении жизни трех-четырех поколений. Историки говорят о сорока годах как о «рубеже эпох в коллективном воспоминании» [Ассман 2004: 11]. Это время, когда живые воспоминания начинают исчезать вместе с поколением, которое обладает ими, и когда память о прошлом становится достоянием профессионалов. Живая память переходит в историю, а история осваивается культурной памятью [Эткинд 2004].

Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная. Она выражается в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции.

Рассматривая культуру с позиций семиотического подхода, Ю. М. Лотман утверждал, что «пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти», которая обеспечивается, во-первых, «наличием некоторых *константных текстов* (курсив мой – М. З.) и, во-вторых, или единством кодов, или их инвариантностью, или непрерывностью и закономерным характером их трансформации» [Лотман 1992: 200]. «Константные тексты» Ю. М. Лотмана, по-видимому, и есть *культурные константы*.

По утверждению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «живая культура не может представлять собой повторения прошлого – она неизменно рождает структурно и функционально новые системы и тексты. Но она не может не содержать в себе памяти о прошлом» [Лотман 1994: 245]. При этом историческое время не сводится к мифологическому или архетипическому уровню, творчески их осмысливая и интегрируя. Н. А. Хренов высказывает мнение, согласно которому «...в момент смены эпох история проявляет себя уже в том, что из коллективной памяти она извлекает знакомый архетип, а именно тот, что ассоциируется с историческими событиями, а еще точнее, ими провоцируется. Неповторимость исторического этапа утверждает себя уже тем, что стимулирует извлечение из прошлого не вообще архетипа, не постоянно возобновляемого архетипа, а особую разновидность архетипа, соответствующего новой исторической ситуации» [Хренов 2002: 25].

Ю. М. Лотман также отмечал, что память культуры является не только единой, но и внутренне разнообразной, говоря о наличии в различных культурных субколлективах «диалектов памяти». Например, при переходе культурного текста из одной общности в другую его «локальная семантика» меняется, что приводит к появлению различного рода пояснений, дополнений, комментариев. В связи с этим представляется возможным говорить о наличии относительно неизменного постоянного «ядра» региональной культуры и ее модифицирующей части.

На основе комплекса культурных констант выстраивается картина мира. Следует отметить, что культурные константы касаются не самих по себе объектов мироздания, их существования вне связи с человеком, но являются результатом его осмысления своей связи с мирозданием, собственного места в структуре Вселенной. При этом они сами не осознаются человеком (если только не становятся предметом специального анализа), хотя картина мира может рационально осмысляться и подвергаться критике.

В свою очередь, картина мира может рассматриваться и как производная от культурных констант (о чем шла речь выше), и как определенный социокультурный этап, определяющий их доминирование, интерпретацию или модификацию.

Ю. С. Степанов исследует в своих работах в основном словесную форму выражения концепта. Действительно, концепты, отраженные в языковой семантике, позволяют прояснить специфические особенности бытования культурных констант. Среди комплексных научных дисциплин, наиболее актуальных и перспективных в настоящее время, лингвокультурология, изучающая взаимосвязь языка и культуры, занимает особое место. С точки зрения традиционной семиотики, вербальный язык описывается в единстве его синтаксических, семантических и прагматических характеристик. Именно семиотический подход поэтому позволяет рассматривать язык как феномен культуры, исследовать строение семиозиса культуры в целом [Каган 1990: 47–59].

При этом семиотическая методология в данном контексте понимается достаточно широко – как практика междисциплинарных исследований гуманитарной направленности. Культура рассматривается как сверхсложная система, фиксирующая ненаследственную память человечества. Вопросы языковой репрезентации культурной информации всё больше становятся объектом не только узкоспециальных (в основном лингвистических), но и междисциплинарных гуманитарных исследований. Особое внимание уделяется национально (культурно) специфичным формам и элементам.

В качестве примера соотносительности конкретных историко-культурных форм с культурными константами рассмотрим некоторые реалии курского городского хронотопа.

Одной из основных категорий бытия, отражающей протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга, является категория «пространство», представляющая особый интерес для лингвистов, ан-

тропологов, философов, культурологов. Обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения. Люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns), по выражению американского исследователя Э. Т. Холла.

Не подлежит сомнению, что познание и обживание пространства каждым отдельным народом играет весьма важную роль в формировании его национального менталитета. Ученые неоднократно подчеркивали, что в основе познания мира человеком лежат именно пространственные восприятия и значения, на базе которых развилось в дальнейшем и осознание других типов связей и зависимостей предметов окружающей человека действительности.

Курск складывался как древний пограничный город, с явно выраженным ядром-центром (детинцем) и прирастающими слободами. Их названия и сейчас сохраняют изначальную профессиональную принадлежность жителей: Пушкарная, Стрелецкая, Казацкая, Ямская. До сих пор в разговоре куряне употребляют устойчивую неофициальную топонимику: например, «Поехать в город» означает «Поехать в центр». Мифопоэтическая категория «центр мира» – «центр города» – одна из фундаментальных в архаическом сознании и выражает глубинную потребность идентифицировать свое место в иерархической структуре мироздания.

Главная площадь Курска носит имя Красной, наподобие столичной. Само название символично и традиционно, как и стоящий ныне на площади памятник Ленину – дань советской моде. В традиционной культуре столица всегда осмысливается как сакральное пространство, наделенное значением небесного града или архетипа. Тождественность наименования московского и курского центра подчеркивает генетическое тяготение нашего города к Москве. В этом сказывается не только относительная территориальная близость, но и доминанта историко-культурных ориентаций: в извечном противостоянии двух российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга – симпатии курян чаще были на стороне Москвы.

Известно, что «красный» в языке и менталитете наших предков означал «красивый». В послереволюционное время произошел возврат к пониманию «красного» как «главного», «наиболее значимого» (ср. выражение «проходить красной строкой»). Это обусловлено свойством красного цвета оказывать самое сильное физиологическое и психическое воздействие на человека. В православной традиции в красный цвет (цвет крови) окрашивались храмы в честь святых-мучеников, погибших от рук язычников. Однако с древности красный символизировал также власть и величие. Видимо, поэтому в нашем городе сложилась традиция, сохранившаяся и сейчас, – окрашивать в красный цвет главные административные сооружения (к примеру, здания городской или районных администраций).

Когда-то Курск состоял из двух главных улиц-направлений: Московской и Харьковской, отходящих от центра в разные стороны. Каждая из них заканчивалась одноименными воротами, отмечавшими въезд в город (сейчас эти ворота, к сожалению, не сохранились). И с одной и с другой стороны находилось по кладбищу с обязательным храмом около него: по церквям эти кладбища носят название Всехсвятское и Никитское.

Ритуальный смысл такого рода планировки прозрачен и характерен для многих городов. Кладбища изначально были вынесены за черту нашего города и стали элементом городской среды лишь в XX веке. Ворота – символ перехода с одной территории в другую. Они знаменуют границу между миром внешним и внутренним, околородским и внутригородским, опасным и безопасным; профанным и сакральным пространством. Как пишет Ю.М. Лотман, «движение в географическом пространстве становится

перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду» [Лотман 1996: 239]. Оппозиция свое/чужое проявляется в желании освятить, очистить пограничные территории, убрать внутреннее пространство от проникновения зла. Эту функцию и берут на себя окраинные храмы.

С расширением Курска на новой границе города появляется Северное кладбище. К 60-летию Курской битвы рядом с ним строятся Триумфальная арка и храм во имя Георгия Победоносца. Таким образом, изменяется историко-культурный контекст, перемещается городская черта, но сохраняется сакральный смысл. Известно, что триумфальные арки имели в древности обрядово-мистическое происхождение: проходя под этим сооружением, триумфатор отделялся от мира вражеского, чужого и возвращался в свой, родной город (мир), то есть осуществлял обряд включения, сопровождавшийся очистительными ритуальными жертвоприношениями [Геннеп 1999: 40].

Актуализацией архаического образа переходности как архетипа вызвано строительство храмов не только на границах исторического древнего Курска, но и на перекрестках дорог. Дорога является одним из наиболее значимых элементов структуры мироздания. Она ассоциируется с бесконечностью, вечным движением, постоянным передвижением в пространстве, неопределенностью и хаосом. Именно поэтому дорога часто соотносится с негативными представлениями, подстерегающими на ней опасностями, трудностью выбора пути и т.п. Ей противопоставляется храм как символ достигнутого покоя, умиротворения и просветления. Территория храма практически всегда ограждается, очерчивая символическую преграду внешнему хаосу и оберегая внутренний космос. (Желание обрести подобную «замкнутость», оградиться от чужого мира, по-видимому, обусловило и появление в районах частной застройки особняков, больше напоминающих средневековые дома-крепости.)

На пересечениях дорог в более поздней, идущей от монастырского устройства традиции появляются также фонтаны, несущие двойной символический смысл. С одной стороны, вода – символ очищения, природной чистоты, с другой – источник просветления, мудрости, глубины веры. Кроме того, вода является символической границей между мирами, отделяя космос от хаоса. Не случайно самый большой городской фонтан построен на месте древнего входа в Курск – Московских ворот – на площади, и сейчас носящей имя Московской.

С архаическими представлениями о необходимости очищения земли от пролитой крови связана, на наш взгляд, и появившаяся недавно традиция ставить памятники и возлагать цветы на обочинах дорог и в других местах, где в автомобильных авариях погибли люди. В тексте города эти сооружения приобретают глубинный культурный смысл. По поверьям, кровь не впитывается землей, оскверняет ее и требует отмщения («Кровь людская – не водица!»).

Освящение мест, где пролилась кровь, – обряд, известный многим культурам (например, храмы «на крови» в русской традиции). Архетипическое культурное содержание приобретает новую символическую форму, оставляя неизменным сакральный смысл действия.

В последнее десятилетие в Курске (как и в других городах) строится много «зеркальных» домов. Несомненно, это дань моде на применение материалов с подобными техническими и эстетическими качествами в украшении не только интерьеров, но и экстерьеров. Здания-«зеркала» зрительно расширяют пространство, подчеркивая его иллюзорность, нечеткость, преображая и искажая реальные направления и размеры. К этому прибавляются зеркальные стекла витрин и автомобилей, большие зеркала для обзора дороги водителями. Отражение удваивает, умножает действительность, часто создавая интересный для восприятия улиц и проспектов эффект.

Но, как представляется, в этом явлении есть более глубокий культурный смысл, отражающий древние мифологические представления о магии зеркал. Сакральная символика отражения аксиологична и амбивалентна: с одной стороны, зеркало точно воспроизводит (копирует) видимый облик предмета-оригинала, с другой – искажает его, проявляя скрытый от глаз, внутренний, «иной» смысл. Не случайно образ зеркала неразрывно связан с семантикой воды (водной глади), являющейся границей между миром реальным и потусторонним. (Отсюда и бытующий до сих пор обычай завешивать все зеркальные поверхности в доме недавно умершего.)

Жители Курска неоднозначно отнеслись к строительству нового здания «Курскпромбанка», в котором отразился Ильинский храм, спрятанный в результате послевоенных перестроек центральной части города за Домом книги. Многие, в особенности пожилые люди, сочли отражение церкви в черной блестящей стене банка кощунством. Христианским сознанием свойство зеркальности часто осмысливается как ложное, дьявольское, нарушающее божественный порядок.

Однако совсем недавно мне довелось услышать от одной из прихожанок: «Вы не так смотрите. Храм не *отражается*, а *проявляется*, ведь, в конечном счете, духовное выше материального. Как сказано в Евангелии, Кесарю – кесарево, а Богу – Божье». Для этой женщины сквозь стену банка, являющегося зримым воплощением силы денег в нашем мире, «просвечивает» истинная ценность – чудом сохранившийся храм. Возрождается древнее представление о свойстве зеркальной поверхности – проявлять скрытую (изначальную) сущность объектов (известный в Средневековье образ «Божественного Зеркала», отражающего Премудрость и волю Господа).

Курский текст многоплановен и сложен. Он вмещает в себя множество историко-культурных пластов, расшифровка семантической структуры которых обогащает представление о локальном самосознании и региональном культурном наследии и позволяет открыть новые перспективы в исследовании русской провинциальной культуры. И, что не менее важно, он динамичен, так как творится, живет и развивается на наших глазах.

Таким образом, константы можно рассматривать с точки зрения их общекультурной тематики, выделяя особенности, характерные именно для данного типа культуры, и региональное своеобразие. Осмысление и истолкование культурных констант локального текста позволяет раскрыть основы регионального самосознания, обнаружить исторически обусловленные первоэлементы современной региональной культуры.

По словам Ю.С. Степанова, объединяющие идеи русской культуры не требуются создавать заново, они уже есть, они – «константы». Скрытые до поры архетипические представления способны дать новый импульс развитию культуры в момент деформации и разрушения исчерпавших себя социокультурных механизмов.

### ***Библиографический список***

- Абашеев, В. В. Пермь как текст / В. В. Абашев. – Пермь, 2000.
- Ассман, Ян. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян. Ассман. – М., 2004.
- Геннеп, ван А. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М., 1999.
- Доманский, В. А. Литература и культура : культурологический подход к изучению словесности в школе / В. А. Доманский. – Томск, 2002.
- Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры / М. С. Каган. – СПб., 1996.
- Каган, М. С. Языки культуры // Известия СКНЦ ВШ: Общественные науки. 1990. – №1. – С. 47–59.

Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.

Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992.

Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994.

Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004.

Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М., 2002.

Эткинд, А. М. Столетняя революция : юбилей начала и начало конца / А. М. Эткинд // Отечественные записки. – 2004. – № 5.